

Академик В. А. Черешнев в СПбГУП

Уважаемые преподаватели, студенты, аспиранты, гости!

Сегодня у нас большое событие: с лекцией «История реформирования Российской академии наук» выступает Почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, председатель Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Федерального собрания РФ, академик Российской академии наук, член президиума РАН, доктор медицинских наук, профессор, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН Валерий Александрович Черешнев.

По сложившейся традиции, позвольте кратко представить вам нашего гостя, основные вехи его биографии и ведущие направления его многогранной научной, политической и общественной деятельности.

Валерий Александрович Черешнев родился 24 октября 1944 года. Его родители познакомились в Хабаровске. Мама была студенткой третьего курса медицинского вуза, отца перебросили туда с Украинского фронта. Потом семья переехала в Соликамск. Отец тяжело заболел, и это обстоятельство отчасти определило выбор будущей профессии нашего гостя. Юноша поступил в Пермский государственный медицинский институт по специальности «Лечебное дело». Здесь же сделаны первые шаги в науку будущего академика. Существенную роль в становлении Валерия Александровича как ученого сыграл блестящий ученый и практик Ростислав Борисович Цынкаловский, который навсегда остался его учителем и о котором он всегда отзывается с большой теплотой.

В 1968 году Валерий Александрович Черешнев с отличием окончил Пермский государственный медицинский институт и был приглашен на

должность ассистента на одну из кафедр родного вуза. Далее он здесь обучался в аспирантуре и докторантуре. После успешной защиты кандидатской диссертации молодой ученый возглавил проблемную научную лабораторию, а затем — Центральную научно-исследовательскую лабораторию Пермского государственного медицинского института. Здесь же защитил докторскую диссертацию по теме «Закрытая травма груди в комбинации с гамма-облучением (клиника, патогенез, лечение, медицинская защита)», оппонировали ему ведущие специалисты Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

В 1988 году Валерий Александрович был избран директором Института экологии и генетики микроорганизмов Пермского научного центра Уральского отделения Академии наук СССР. В 2000 году организовал в Екатеринбурге филиал Института экологии и генетики микроорганизмов, который в 2003-м был преобразован в Институт иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН. В 1990 году Валерий Александрович Черешнев стал членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1997-м — академиком Российской академии наук по Отделению общей биологии (иммунология). С 1999 по 2001 год академик Черешнев — вице-президент РАН, с 1999 по 2008-й — председатель Уральского отделения РАН. В настоящее время — член Президиума Российской академии наук, член Президиума Уральского отделения РАН.

27 марта 2014 года Ученый совет СПбГУП единогласно избрал Валерия Александровича Черешнева Почетным доктором нашего Университета. В мае этого года состоялась торжественная церемония вручения Валерию Александровичу диплома, золотого знака Почетного доктора и докторской мантии. Его имя стоит сегодня в одном ряду с такими выдающимися представителями отечественной и мировой науки — Почетными докторами СПбГУП, — как Лихачев, Бехтерева, Гусейнов, Некипелов, Платэ, Степин, Чубарьян, Янин, Аникушин, Дудинская, Эйфман, Петров,

Ростропович, Свиридов, Темирканов, Вознесенский, Гранин, Лиханов, Басилашвили, Додин, Лавров, Рязанов, Бобров, Гаджиев, Резник, Кингман, Росс, О'Ши, Моратинос Куйяубе, Его Королевское Высочество Принц Майкл Кентский.

Профессор Черешнев — яркий педагог и видный реформатор высшей школы. Он основал и возглавил уникальные кафедры — микробиологии и иммунологии в Пермском государственном университете и иммунохимии в Уральском государственном техническом университете. Под руководством ученого подготовлены и защищены свыше 26 кандидатских и 43 докторских диссертаций. Во многом такая научная активность и продуктивность в подготовке научных кадров определяется тем, что Валерий Александрович Черешнев постоянно ищет новые пути в образовании и науке. Это, по его мнению, необходимое условие, чтобы талантливая молодежь могла реализовать свои способности. Как он полагает, в ближайшей перспективе наибольший доход будет приносить не само воспроизводство знаний, а производство их носителей, способных генерировать современные научные знания и высокие технологии. Основу этого процесса, считает Валерий Александрович, составляет высококачественное элитное образование. Девиз профессора Черешнева, который он часто повторяет своим ученикам: «Если вам везет — продолжайте, если не везет — продолжайте».

Главные направления научной деятельности ученого: экологическая и радиационная иммунология, патофизиология экстремальных состояний, иммунные механизмы воспаления, стресса, сердечно-сосудистой патологии, опухолевого роста, глазных болезней, проблемы социально-демографической безопасности и здоровья нации.

Им основано новое направление в изучении проблемы — комбинированные радиационные поражения, сформулированы ключевые положения нового научного направления — иммунофизиологии, создана концепция системного воспаления как типового патологического процесса,

обоснована роль экологической цепи «макроорганизмы–бактерии–вирусы» в патогенезе соматических болезней, предложен и впервые введен в научный оборот термин «иммунореабилитология». Ученый, разделяя мнение большинства мировых экспертов, считает, что XXI век будет веком биологии, биотехнологии, а для этого главное условие — интеграция, сочетание, объединение наук. Это прежде всего микроэлектроника, оптоэлектроника, искусственный интеллект и программы, связанные с биоразнообразием. Но еще важнее — убежден Валерий Александрович Черешнев, — гуманизация всего общества, без которой само существование человечества оказывается под вопросом.

Академик Черешнев — автор ряда научных открытий, 29 изобретений, свыше 700 научных трудов, в том числе 34 монографий: «Иммунные и физиологические механизмы регенерации тканей», «Патофизиология», «Иммунофизиология», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и других, 6 учебников и 11 учебных пособий для вузов, 2 руководств по изучению комбинированных радиационных поражений.

Он — главный редактор «Российского иммунологического журнала», «Вестника уральской медицинской академической науки», Вестника Уральского отделения РАН «Наука, Общество. Человек», «Иммунология Урала», член редакционных коллегий и редакционных советов ряда центральных научных журналов.

Валерий Александрович ведет большую научно-организационную деятельность в качестве члена Президиумов Российской академии наук и Уральского отделения РАН, председателя и члена ряда комиссий и экспертных советов, в том числе по присуждению Демидовских премий, и

члена жюри по присуждению российской независимой премии «Триумф». Он внес значительный вклад в создание и развитие Пермского научного центра Уральского отделения РАН. При его активном участии разрабатывались и внедрялись региональные законодательные акты в сфере науки.

2 декабря 2007 года Валерий Александрович Черешнев был избран депутатом Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации пятого созыва. В Думе он возглавляет Комитет по науке и наукоемким технологиям. Валерий Александрович считает, что основным показателем оценки работы Комитета является полнота правового обеспечения научной, научно-технической, инновационной деятельности, охраны объектов интеллектуальной собственности. Число подготовленных и принятых федеральных законов с момента начала работы Комитета увеличилось на порядок. По инициативе академика Черешнева был восполнен правовой пробел в части регулирования государственных научных центров Российской Федерации и фондов поддержки научно-технической инновационной деятельности. Комитет под его руководством обеспечил прохождение и принятие федеральных законов о национальном исследовательском центре «Курчатовский институт», о центре «Сколково» и ряда других не менее значимых законов.

Заслуги в развитии медицинской науки, педагогическая и общественная деятельность Валерия Александровича Черешнева отмечены высокими государственными и научными наградами и премиями. Академик Черешнев награжден орденами Дружбы и «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, медалью «За трудовое отличие».

Он лауреат премий Правительства Российской Федерации в области науки и техники и в области образования. За научные открытия академику Черешневу дважды вручали диплом и серебряную медаль им. П. Л. Капицы. Он лауреат премии Российской академии наук им. И. И. Мечникова, многих других научных премий. Активное участие академика Валерия

Александровича Черешнева в разработке экологической доктрины Российской Федерации было отмечено благодарностью Президента Российской Федерации.

Валерий Александрович Черешнев с гордостью заявляет: «Я — уралец. Был и остаюсь им. Там мои избиратели, там мой дом, там дети, внуки». Валерий Александрович женат. Его супруга — Маргарита Владимировна, доктор медицинских наук, профессор, офтальмолог, офтальмоиммунолог, заслуженный деятель науки Российской Федерации. У супругов двое детей — дочь Татьяна и сын Владимир.

Татьяна Валерьевна — заведующая кафедрой офтальмологии Пермской государственной медицинской академии, доктор медицинских наук, профессор.

Владимир Валерьевич — доктор экономических наук, занимается бизнесом.

Валерий Александрович Черешнев счастливый дедушка четырех внуков. Дети Татьяны Валерьевны — сын Александр — экономист, окончил Московский государственный университет, сейчас учится в аспирантуре; дочь Анна в этом году оканчивает школу. У Владимира Валерьевича два сына: Лука — 7 лет и Богдан — 4 года. Академик Черешнев считает, чтобы везде успеть, нужно стараться распределять свое время. Здесь ему помогает спорт. Зимой он ходит на лыжах, летом любит с семьей ездить в Севастополь и заниматься плаванием. А каждый день, чтобы быть в форме, ученый в течение часа выполняет утреннюю зарядку по системе хатха-йога. В людях Валерий Александрович ценит надежность, трудолюбие, патриотизм, честность, взаимопомощь, открытое отношение к окружающим, настойчивость, упорство в достижении цели.

Сегодня всем присутствующим выпала редкая возможность получить информацию у человека, который во многом определяет политику в области науки и высшей школы, олицетворяет лучшее, что есть в научном мире

России. У вас будет возможность задать вопросы, и я бы посоветовал этим максимально эффективно воспользоваться.

В этом году Валерию Александровичу очень скоро, практически через три недели, исполняется 70 лет. Вы встречаете свой юбилей в расцвете творческих сил, в добром здравии, в окружении родных, близких людей, учеников и соратников. Позвольте пожелать всего самого доброго, сказать вам от имени присутствующих, всего нашего коллектива «Добро пожаловать!» и предоставить трибуну для выступления.

Спасибо за внимание!

А. С. Запесоцкий,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор культурологических наук,
профессор, ректор СПбГУП

В. А. Черешнев

ИСТОРИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Спасибо большое, Александр Сергеевич, за добрые слова, за приглашение. Действительно, тема реформирования РАН довольно острая, актуальная. Хочу отметить, что в последний год об Академии наук, ее реформе написали в шесть раз больше, чем за предшествующие 22 года (с 1991 г.) существования Академии наук в статусе Российской академии наук. Сразу скажу, что исторический опыт существования Российской академии наук — это 290 лет. 8 февраля 2014 года — юбилейная дата, поскольку Академия была основана именно в этот день 1724 года Петром I. Кстати, в этом году юбилейная дата и у Академии медицинских наук — 70 лет, и у Академии сельскохозяйственных наук — 85. И вот к юбилейным датам такой подарок — объединение трех академий в одну.

Надо сказать, что, конечно, академическая форма, и это четко следует из почти 300 прошедших лет, показала свою действенность, доказала, что такая форма организации научных исследований вполне правомерна. Хорошим примером является Академия наук Китая, которой позавчера исполнилось 65 лет, как и Китайской Народной Республике, — это полная копия, калька с Академии наук СССР 1949 года. Но там соответствующее финансирование: если у нас на науку тратится 0,9 %, то в Китае — 2,4 % по отношению к ВВП страны. Это существенная разница. То есть там, где все работает системно, где уделяется достаточно внимания, академическая форма эффективна и вполне себя оправдывает.

Давайте рассмотрим динамику преобразований Академии наук в России. Как я уже сказал, в 1724 году на Васильевском острове Петр I обосновал Санкт-Петербургскую академию наук и художеств в здании, где сейчас располагается Зоологический институт РАН. Биржевого и Дворцового мостов тогда не было. Бывший дворец вдовствующей императрицы Прасковьи Федоровны, одно из лучших зданий в то время, расположенный

рядом с Кунсткамерой, был отдан Академии наук (к сожалению дворец не сохранился). Второе здание — великолепный дворец канцлера Шафирова тоже был отдан Академии наук, которая там располагалась до 1783 года, когда по указу Екатерины II Джакомо Кваренги построил специальное здание для Академии наук на Университетской набережной, дом 5. Сегодня здесь находится Санкт-Петербургский научный центр РАН. В этом великолепном здании все приспособлено для научной и организационной деятельности. И вот здесь Академия наук существовала сначала в качестве Санкт-Петербургской академии наук и художеств, потом с 1789 года это была Императорская Санкт-Петербургская академия наук, затем с 1917 года — Российская академия наук, с 1925 года — Академия наук СССР.

И только в 1934 году Академия наук СССР переехала в Москву в здание на Ленинском проспекте, дом 14. Это бывшая Калужская улица, на которой был построен загородный дом Прокофия Демидова за 150 лет до того, как Академия переехала в Москву. Здесь сохранился фонтан, который находился раньше на Лубянке; его сюда перенесли после того, как установили памятник Дзержинскому. А вокруг Нескучный сад. Интересно, что более 40 тыс. деревьев сюда привезены с Урала, из Соликамска, — Прокофием Демидовым. А заложил основы этой великолепной коллекции Григорий Демидов, который переехал из Екатеринбурга в Соликамск, после женитьбы на девушке из села Красное под Соликамском. Григорий Демидов из семьи миллиардеров-заводчиков и землевладельцев очень интересовался растениями, переписывался с Карлом Линнеем из Швеции, получал посылки из разных стран мира, в том числе из Китая. В его саду насчитывалось 40 тыс. деревьев, шесть теплиц, где выращивали мандарины, апельсины и другие, экзотические для России, виды. Но Григорий умер в возрасте 42 лет, и его брат Прокофий, который жил в Москве, перевез все деревья сюда и высадил вокруг этого здания в Нескучном саду. Там и располагалась Академия наук до постройки нового, высотного здания, который называют

«золотые мозги». И когда осенью едешь по Фрунзенской набережной Москва-реки и смотришь с пологого берега, то до сих пор сад удивляет своими уникальными красками. Естественно, генетический фон растений резко изменился, но диковинные окрасы говорят о том, что деревья привезены со всего мира.

Итак, Академия наук СССР с 1934 года и по сей день находится в Москве. В 1991 году, когда свершились все наши перестроечные преобразования, она была переименована в Российскую академию наук — РАН. Здесь она располагается и сегодня, занимая часть Нескучного сада. Причем до революции, особенно в XIX веке, за рубежом Российскую академию наук называли Василеостровским Ватиканом, потому что 210 лет она находилась на Васильевском острове, а Ватикан — знак уважения, что это действительно высокоавторитетное образование, высокоавторитетная организация, несколько отрешенная, независимая и элитарная. Вход туда никогда не был свободным, чтобы попасть туда, нужно было быть избранным представителями высокого научного сообщества. Это одна из черт Академии наук. Василеостровский Ватикан простоял, повторю, 210 лет, и сейчас существует в виде Санкт-Петербургского научного центра.

Естественно, все эти движения за 290 лет происходили в соответствии с реформами. Известно два вида реформ. Первый — это усовершенствование, легкое, функциональное, улучшающее какой-нибудь процесс или явление. А второй — это коренной перелом устоявшихся процессов, традиций. Это такие реформы, как, например, отмена крепостного права, Столыпинская аграрная реформа, реформа русской орфографии 1918 года, и мы сюда отнесли реформу РАН 2013 года. Безусловно, каждое движение, каждая реформа должна быть основана на соответствующем постановлении, документе, который принят или государством, или научным сообществом. И движение, которое прошло академическое сообщество от Петра I до наших дней, — это сначала Санкт-Петербургская академия наук и

художеств; в 1757 году Императорская академия художеств выделяется, и остается просто Императорская Санкт-Петербургская академия наук; в 1917 году — Российская академия наук; в 1925-м — Академия наук СССР; в 1991-м — опять РАН; и в 2013 году — так называемая обновленная Российская академия наук за счет слияния с Академией медицинских наук и Академией сельхознаук. Это новая система, но со старым названием — Российская академия наук.

Что еще хотелось бы отметить? Выделившаяся в 1757 году Императорская академия художеств стала самостоятельной. Самостоятельной была и Академия образования, созданная как Академия педагогических наук РСФСР в 1943 году. В 1992-м стала РАО — Российской академией образования. Академия архитектуры и строительных наук СССР была создана в 1930-е годы и просуществовала до 1964-го. А в 1992-м стала трансформированной Российской академией архитектуры и строительных наук. Еще один интересный момент: Екатерина II для своей фаворитки Екатерины Романовны Дашковой с целью создания словаря русского языка в 1783 году организовала Императорскую Российскую академию (не наук). Это была специальная гуманитарная академия, поскольку существовала необходимость в совершенствовании русского языка. Екатерина II поняла, что надо составлять соответствующие словари, учебники, чтобы образовывать народ, чтобы люди были грамотными и понимали, каким чудом они владеют. И действительно, первый словарь был издан уже в 1790 году, а к 1800 году вышел академический пятитомник русского языка. В этом словаре тогда уже было 47,5 тыс. русских слов. У Александра Сергеевича Пушкина в обычном использовании было около 25 тыс. слов. В нашем разговорном языке мы употребляем всего 2–4 тыс. слов. Представляете, какова гамма русского языка.

После Великой Отечественной войны в каждой республике возникли свои академии наук. Я хочу отметить, что в 1990-е годы насчитывалось более

двухсот общественных академий. Я посмотрел в Интернете, сейчас осталось около 40: Академия естественных наук, Академия информатизации, Академия военных наук и др. В 1996 году было около пятисот академий. А сегодня общая академическая схема включает четыре государственные академии: РАН, РАО, Академия архитектуры и строительных наук, Академия художеств.

Теперь о документах, по которым создавались эти академии. Около 30 уставов, регламентов было принято за 290 лет. Я выбрал четыре дореволюционных, основополагающих, и четыре принятых уже после 1917 года, в советское время. Первый устав, развернутый и полный, был принят только в 1836 году. А до этого были наброски. Петр, прожив несколько месяцев после подписания указа Сената о создании академии наук, умер в 1725 году, и уже его жена Екатерина I продолжила этот процесс, поэтому документ так и назывался — проект положения. Это еще не был развернутый устав. Деньги были выделены государством, академия сразу была взята на государственный учет и бюджет. Прямо написан ответ: 24 тыс. 912 рублей за счет таможенных сборов городов Нарвы, Дерпта, Перново и Аренсбурга шли на содержание академии наук. В ней были выделены три класса: математический, физический, гуманитарный. Особливый-секретарь, тогда назывался ученый и непременно секретарь. Сразу были созданы академия, при ней университет и гимназия. Такого на Западе не было, там все разделено.

Петр I в первом регламенте установил, что президент академии наук избирается каждый год или полгода. В нее входили адъюнкты и академики. Адъюнкт — первая ступень, как член-корреспондент сегодня. Академик — высшая ступень. Были еще почетные члены, это в основном знатные особы и иностранцы. Вот такой регламент был у академии наук. В университете были введены четыре факультета: юридический, гуманитарный, физики и математики и физиологии. Еще был факультет теологии (богословия, от

«теос» или «феос» — бог с греческого), но Петр сразу его вычеркнул и написал в Сенат. В советском университете, в России сразу убрали теологию. Это было отличительной особенностью, потому что на Западе все кафедры культивировались вокруг теологии. В советском университете каждый получал светское образование. Дальше финансирование все время повышалось, потому что академия разрасталась. Сначала это были лаборатории, кабинеты, ботанические сады, экспедиции, потом институты. Начиная с 1909 года стали работать институты. К реформе прошлого года у академии наук насчитывалось 450 институтов.

Президент академии определялся и избирался Ее Императорским Величеством. Президентов назначали из богатых людей, которые хорошо относились к наукам и искусствам. А как же завещание Петра I каждый год или полгода выбирать президента академии? Потом уже Елизавета Петровна, Павел и Александр I говорили: нам предлагают целый список, мы и выбираем и назначаем из них. А кто еще выбирать может, кроме посланников и помазанников Божьих? Когда в 1747 году, через 20 с небольшим лет, принимали новый регламент, то уже совершенно четко в университете появился новый факультет — гуманитарный. Его из академии убрали в университет, а вместо него в 1783 году была создана Императорская Российская академия. То есть все гуманитарное ушло в Российскую академию, о которой я уже говорил. Но сложности были. В 1766 году, через год после смерти ректора университета Михаила Васильевича Ломоносова, академический университет вообще закрыли. А в 1805 закрыли и гимназию. И Санкт-Петербургский университет пришлось создавать уже Александру I, но на базе главного педагогического института в 1819 году.

Определяется президент, как я уже говорил, добавляются соответствующие степени: например, экстраординарный академик стал как бы вместо члена-корреспондента. Звание члена-корреспондента ввели в 1859 году. И тогда это означало не первую ступень академического звания, а как

бы должность академика по переписке. То есть практически все академики были в Петербурге и немного в Москве. И все. Первый академик на периферии появился в Оренбурге — географ Петр Иванович Рычков, его избрали в 1760 году. Никаких денег он не получал за звание, в отличие от петербуржцев, но был членом академии. Как его называть? Член-корреспондент, или член академии по переписке. А после это трансформировалось в первую ступень академического звания. Но в целом три отделения в академии сохранялись долго, даже тогда когда университета и гимназии уже не было. И академическое сообщество до революции работало как замкнутая академическая структура.

После революции тоже было четыре устава. Первый устав был принят в 1927 году, второй — в 1930-м, третий — в 1935-м и четвертый — в 1959-м; поправки, конечно, были, потому что время было сложное, и нужно было вносить изменения. А независимые структуры, новые власти с диктаторскими наклонностями могли прийти и сказать: надо эксперимент поставить. Академики спрашивали: «Откуда вы это взяли, давайте подискутируем, поговорим». Новая власть — какие дискуссии? Естественные науки еще можно поддерживать, но общественные, особенно философию... «Мы сами философы, — говорили молодые руководители Советской республики. — Кто не согласен, пожалуйста, — чемодан, пароход, Европа. А у нас своя философия, переучиваться некогда, работать надо». И до 1930 года правило четко действовало. Итак, в 1925 году академия была названа Академией наук СССР. Через два года, в 1927-м, приняли новый устав, определивший два отделения — физико-математических наук и гуманитарный. Сюда входили академики, члены-корреспонденты и почетные члены. По уставу 1930 года — тоже два отделения, плюс еще создан институт аспирантуры. Уже ввели трех вице-президентов. И академия наук имела право бесцензурно пересылать свои издания.

Была введена должность главного ученого секретаря вместо неперменного. Постепенно появляются региональные отделения — Сибирское, потом Уральское, Дальневосточное. Наука пошла по стране, а не только развивалась в центре. Затем были утверждены уставы 1963, 1987, 1991 годов, временный устав 1992 года, уставы 2008, 2014 годов. А также были внесены еще несколько десятков дополнений к уставам.

Конечно, огромную роль играли президенты академии наук. Их было 12 до революции 1917 года, и 9 — после. То есть за 290 лет у академии наук был всего 21 президент. Президенты до 1917 года — люди знатные, богатые, приближенные к императору. Это делалось специально, чтобы важные для академии моменты быстро доносились до руководства страны. Одно дело — назначить какого-нибудь ученого, который будет записываться и стоять в очереди на прием к начальнику департамента. А другое дело — личный друг царя, который на балу, на приеме, на охоте — где угодно, поговорит с царем, и тот примет решение без всяких проволочек. Первый президент Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост — личный врач Петра I, и первые четыре президента были иностранцами. Это, как правило, дипломатические работники — и Кайзерлинг, и Корф, и Бревен. Причем только первый президент стоял во главе академии девять лет, Корф пробыл шесть лет, другие — по одному году. Все они выдающиеся люди, но не из среды ученых. И поэтому всегда шла борьба ученых за то, чтобы выбрать президента из сообщества ученых, который бы знал сам, а не по пересказу, что нужно академии — телескоп купить или экспедицию на Камчатку организовать.

Когда Екатерина II пришла к власти, то спросила: «Ну, Урал — понятно. А за Уралом много ли земли?». Ей сказали: «Так на карте посмотрите, раз в десять больше». — «Как? А где карта?» — «А в академии наук, через Дворцовый мост, там за 5 копеек карта продается». Купили, принесли, расстелили перед ней и объяснили, что и Владивосток, и море, и

еще через пролив Аляска тоже наша. «Так это же за жизнь не объехать», — удивилась императрица. После чего она решила, что академию надо укреплять, организовав еще и вторую академию.

Обратите внимание на Кирилла Григорьевича Разумовского — первого отечественного президента, который 52 года — с 1746 по 1798 годы — руководил академией наук при трех правителях. Пришел при Елизавете Петровне, был президентом весь срок царствования Екатерины II, и только Павел его убрал в 1798 году, когда ему было 70 лет. Обратите внимание, что он стал президентом академии в 18 лет, когда Бревен уехал. В 1741 году после очередного царского переворота, на престол взошла дочь Петра — Елизавета Петровна, которая провозгласила: «Хватит бирющины всякой, нужен русский дух». Это была идея Петра. Ей привели очередного дипломата с иностранной фамилией как кандидата в президенты академии наук. Все окружение говорило — не надо, вырастим своего. Но, при этом ни одного своего русского доктора в то время не было. Был один — Адодуров, чистый математик, не обладавший никакими организационными способностями. Поэтому все понимали, что его избрать — только ухудшить дело. И тогда фаворит Елизаветы Петровны - Алексей Григорьевич Разумовский, красавец с Украины, гренадер из хутора Лемеша сказал: «У меня есть младший брат Кирилл, очень толковый. Пасет коров, свиней грамотно, никто никуда не убегает. Вся деревня радуется. Давайте его подготовим, и он толковую жизнь тут сделает».

Привезли 14-летнего парня и приставили к нему академика Теплова. После 4,5 лет учебы во Франции и Германии, Кирилл вернулся вполне подготовленным: он владел 3 иностранными языками (не считая русского и украинского), был знатоком искусств, великолепным танцором и фехтовальщиком. И в результате он 52 года возглавлял академию наук. Пробыл первые 20 лет президентом, потом произошло восстание на Украине, в Запорожской Сечи. Там сменяли сначала наместников Елизаветы, потом

Екатерины II. И им понадобился грамотный, толковый человек из местных, готовый переехать в Батурин, в казачью столицу. Разумовского избрали гетманом Украины в 38 лет. И до конца дней своих он был гетманом, фельдмаршалом, генералом, президентом академии наук.

Еще один президент — Сергей Семенович Уваров, находился во главе академии наук 37 лет: при Александре I вступил в должность и при Николае I завершил свою работу. Очень хорошо знал Пушкина, много общался с ним. Был очень интересным человеком. Его невестка, жена старшего сына, Прасковья Сергеевна Уварова стала первой женщиной — российским академиком, выдающимся археологом, историком. На этом этапе президентов начинают избирать из знатных людей, но склонных к научной деятельности. Федор Петрович Литке 18 лет стоял во главе академии; адмирал, исследователь, избран почетным академиком по географии, был в кругосветном путешествии в течение трех лет и подробно его описал. Дмитрий Андреевич Толстой был президентом академии всего 7 лет. Этот выдающийся экономист написал труд о движении денег со дня возникновения Российского государства до конца царствования Екатерины Великой. И в 24 года получил Демидовскую премию первой степени. Еще один президент — единственный великий князь, двоюродный брат царя Константин Константинович Романов, известный поэт, 27 лет стоял во главе академии, сменил Толстого. Константин Романов подписывал свои стихи «Поэт К.». Это был золотой век для гуманитариев. Им ни в чем не было отказа: печатались труды, переиздавались сборники, широко отмечалось 100-летие со дня рождения А.С.Пушкина и т. д.

Конечно, про каждого можно говорить много. Например, 5 лет — с 1798 по 1803 год — президентом был Андрей Львович Николаи, молдавский граф, барон, которого назначил Павел. Для академии он ничего особо замечательного не сделал, но и не навредил. Но для петербуржцев он важен тем, что создал загородный сад Монрепо в Выборге. Вы слышали, конечно,

об этом. Это была дача Андрея Львовича Николаи, которой он посвятил 20 лет. Все продумал, создал великолепную архитектуру. Правда, она сейчас в заброшенном виде, но сохранился уникальный пляж из булыжников, привезенных из Финляндии. Каждый из них примерно равен камню под Петром на известном памятнике. Это единственный парк на берегу залива. Все — и Пушкин, и Павловск — в этом плане уступают. Нет водной глади такого масштаба.

Конечно, очень многое зависело от того, как каждый из президентов академии наук ладил с руководством страны. Причем это было важно во все времена. Девять президентов академии, избравшихся после 1917 года, уже были из среды ученых. Все они были выдающимися исследователями. Впервые в мае 1917 года по разрешению временного правительства был избран Александр Петрович Карпинский, ему исполнилось 70 лет, и он еще 19 лет — до 1936 года — был у руля. Выдающийся геолог ушел из жизни на 89-м году, и его шесть раз избирали президентом Академии наук СССР. Выбор делали одни академики, и всегда его избирали единогласно. Потом были биолог Владимир Леонтьевич Комаров; известный физик Сергей Иванович Вавилов; ректор Московского университета, известный химик Александр Николаевич Несмеянов, два срока возглавлявший Академию наук СССР. Сначала эстафета передавалась так: геолог, биолог, физик, химик. Затем академию возглавил математик Келдыш, который передал эстафету физику Александрову, тот — математику Марчуку, дальше — математику Осипову, а тот — физику Фортову. Из девяти президентов были три физика, три математика и три представителя остальных профессий. То есть физики и математики доминировали.

Здесь тоже про каждого можно говорить много, у всех сложнейшая судьба. Почти всех убирали раньше срока. Например, Комаров должен был переизбраться в 1947 году, но его мучила серьезная болезнь — тяжелейший дерматит, во время войны в Свердловске он работал ночи

напролет. Во время празднования 220-летия академии, которое должно было отмечаться в 1944 году, но по решению Сталина было перенесено на 1945-й год, Сталин в Большом театре обратил внимание на то, как два взрослых молодых человека поддерживали под руки взрослого мужчину, который еле ноги передвигал. На вопрос Сталина: «Кто это?» ему ответили: «Это — Владимир Леонтьевич Комаров — президент академии наук». — «Комаров? Я его год не видел, что с ним такое?» — «Болен тяжело, дерматит замучил, почти не спит». Сталин, поворачиваясь к Берии, говорит: «Сменить в течение месяца. У великой академии не может быть такого президента».

И 17 июля 1945 года назначают выборы и президентом академии наук избирают Сергея Ивановича Вавилова. Он отказывался всеми силами. Он в 1944 году писал Сталину письма с просьбой найти его брата Николая, выдающегося генетика, биолога, президента сельскохозяйственной академии. А Сталин ответил Сергею Ивановичу: «У него же справки, ничего, скоро брат освободится. Берия письмо написал, что дела идут, мы ищем, где он находится». Как выяснилось позднее, его посадили в саратовскую тюрьму, где в январе 1943 года он умер от голода. И после этого приходят к ученому и говорят: «Товарищ Сталин рекомендует вас в президенты академии наук». Поначалу он отказался. Но когда начали обсуждать кандидатуру Вышинского в качестве президента академии, целая группа ученых во главе с Капицей уговорили его: «Сергей Иванович, не станешь ты, будет Вышинский, а это представитель судебной тройки». С.И.Вавилов перенес шесть инфарктов за этот срок.

Президента академии наук Несмеянова сняли через полгода после ссоры с Хрущевым. У Мстислава Всеволодовича Келдыша была тяжелейшая болезнь — атеросклероз, кардиохирург Майкл Дебейки приезжал из США его оперировать в 1973 году.

Анатолий Петрович Александров в 1973 году был избран в первый раз президентом, переизбран на второй и на третий срок - в 1986 году. И тут

случилась авария в Чернобыле. А все конструкции атомных станций создал академик Александров. После Чернобыльской катастрофы он сам ушел с поста. Потом избрали Гурия Ивановича Марчука. Затем 22 года пробыл Юрий Сергеевич Осипов, в прошлом году он закончил пребывание на посту президента академии наук. И вот на долю Владимира Евгеньевича Фортова выпали как раз все реформы, которые происходят сегодня в академии.

Как я уже отмечал, очень многое зависело от того, как каждый президент устраивал свои отношения с властью. Это было сложно всегда. Потому что за 290 лет были и цари, и великие князья, и генеральные секретари, и президенты. И от них все зависело. Академия-то ведь государственная. И обратите внимание, все реформы в России шли не снизу, а сверху. Петр I как представитель власти, один из величайших людей думал, как в неграмотной феодальной стране создать Российскую академию. Никого грамотных нет. 98 % — крепостные, а вот эта горстка — 2–3 % высшего чиновничества — детей обучала за границей. И все умные и научно обоснованные идеи приходили из-за границы. Не стесняясь, приглашали зарубежных специалистов: итальянцы строили, немцы привозили соответствующую аппаратуру, французы работали гувернерами и гувернантками и т. д. Каждое высшее лицо имело целый пул обеспечивающих людей. И вот Петр I 26 лет думал, переписывался с Лейбницем и придумал — организуем утечку мозгов из Европы. Для нас сегодня актуальна утечка мозгов на Запад. А кто автор? Петр I. Раньше приглашали по одному-два профессора из Франции в Голландию, из Голландии в Германию и т. д. Но Петр пригласил сразу 17 молодых толковых и талантливых ученых на полный пансион, с хорошей зарплатой и прекрасными условиями.

И в 1725 году все они приехали, когда Петра уже не стало. Екатерина их заверила: «Все обязательства выполним». И собрали этих 17 ученых и объявили: «Вы теперь Императорская Санкт-Петербургская академия наук».

Вот так Петром I была создана Российская академия наук, в которой не было ни одного русского, и никто по-русски не говорил кроме президента Блюментроста личного врача императора. Блюментрост и стал у них переводчиком, пытаясь научить их русскому языку. Многие из них за время своего пребывания в России не выучили русский язык и лекции читали на немецком и французском языках. Через 20 лет Михаил Ломоносов вернулся из Германии. Пять лет он пробыл президентом академии и решил, что необходимо избирать в академию русских. Ему возражали: не надо, эти знают латынь, французский и немецкий. Все время шла борьба. С другой стороны, им было легко, учебники-то все на немецком и французском, на русском ничего не было. Пришлось Ломоносову и это на себя взвалить — и университет, и гимназию, и языки. В 15 направлениях он себя проявил.

Первый российский академик — математик Яков Герман — был избран 8 января 1725 года. Ему было 46 лет. Он приехал из Базеля (Швейцария). Первые иностранцы-академики были избраны в 1725–1726 годах. Первый русский академик — Василий Евдокимович Адодуров был избран в 1733 году в 24-летнем возрасте, через 9 лет после создания Академии наук. Среди академиков были математики Николай и Даниил Бернуллы, физик Георг Бильфингер, физик и математик Георг Крафт, математик Леонард Эйлер. Например, Леонард Эйлер был избран академиком в 19 лет, практически через четыре месяца после окончания медицинского факультета Базельского университета и приезда в Россию. Почему? Конечно, не просто так. Никого тут просто так не выбирали. Все по рекомендациям Вольфа и Лейбница. Они знали, кто толковый — достоин, а кто не тянет, и его не стоит приглашать. Целые списки Петр I посылал им для рекомендаций. Эйлер тоже попал в список, был рекомендован, поступил на отделение физиологии, окончил медицинский факультет, стал выдающимся математиком мира. То есть, он был избран академиком по физиологии, а потом уже числился как математик.

Что касается отечественных академиков, то я уже сказал про Адодурова. Кроме того, в 1742 году были избраны Георгий Николаевич Теплов и Михаил Васильевич Ломоносов, им было по 30 лет. Степан Петрович Крашенинников — академик по географии, выдающийся путешественник. Василий Кириллович Тредиаковский был избран в 42 года. Кстати, рекомендую вам почитать небольшую книгу «Путешествие из Москвы в Петербург», которую написал Александр Сергеевич Пушкин в 1833 году в ответ Радищеву, автору «Путешествия из Петербурга в Москву». В ней Пушкин пишет свои рассуждения под стук колес, говорит, что, конечно, основатель поэзии не Ломоносов. Оды Ломоносова весьма тяжеловесны и очень официальные. И истинный основатель русской поэзии — Василий Кириллович Тредиаковский. Он как раз был избран по специальности элоквенция, красноречие, была такая специальность в академии наук. Интересно Пушкин пишет, рассуждая о Французской революции: «Не дай нам бог этих изменений политических, опасных катастрофически». Он рассказывает, как американцы, англичане, французы, голландцы едут 5–6 дней из Москвы в Петербург. Русский мужик не знает ни одного слова ни по-французски, ни по-немецки. Они останавливаются у него на ночлег, объясняются, получают полноценное питание. Иностранцы удивляются: как так? В каждом крестьянском дворе по 2–3 коровы. В Голландии одна и то редкость. И каждый крестьянин 3–4 раза в день моет руки. А в четверг у них, оказывается, баня в каждом доме. Это же вообще потрясающе. В Голландии, во Франции такого не было.

О том, как принимали иностранцев в России, очень образно пишет востоковед, гуманитарий, академик Байер своему другу в Германию. Он рассказывает, что здание академии еще не построено, но это настоящий княжеский дворец. И строят уже новое здание: «У меня все есть: утварь, постельное белье, ни о чем не забочусь. И мне выдали провианты столько на четыре недели, всего чего я пожелал. Моя кухня еще никогда не была так

богата и обеспечена... Только занимайся наукой и ни о чем не думай». И когда Иоганн Бернулли оценивал, почему молодежь поехала в Россию, а знаменитые не поехали, выяснилось, что вторые попросили очень большие гонорары, и Блюментрост всем отказал. Вольф, например, сказал: «Я согласен быть президентом академии наук в Петербурге, но сразу первая выплата 20 тыс. рублей золотом и 3 тыс. рублей оклад золотом». Стоит напомнить, что корова стоила в то время 10 копеек. Представляете? Блюментрост ответил, что царь Петр сам бы согласился на таких условиях быть президентом академии. Иоганн Бернулли написал, что молодые поехали, потому что лучше пострадать и позябнуть в стране льдов, где муз любят и уважают, чем умереть голодной смертью в стране с умеренным климатом, где муз обижают и оскорбляют.

О Ломоносове много говорить не буду, потому что о нем можно прочитать цикл лекций. Как я уже отметил, он проявил себя в 15 направлениях деятельности. Как о нем писал Пушкин: Ломоносов — наш первый университет. Он прожил 53 года. В 19 лет начал учиться, в 26 закончил все гимназии: Киево-Могилянскую и Московскую церковной направленности, Спасские школы и Петербургский университет. В возрасте 26 лет в числе троих был направлен в Германию. Пять лет - с 1736 по 1741-й год он пробыл в Германии. В Марбурге закончил все четыре факультета, а во Фрейбурге за полгода еще два факультета. Освоил английский, немецкий, французский языки. Я этим летом посетил архив академии наук и узнал, что 40% процентов рукописей Ломоносова не расшифрованы до сегодняшнего дня. Мне показывали пергамент с мемуарами. Статья написана на латыни, одни ремарки сделаны на немецком языке, другие — на французском, и окончательная правка — на греческом.

И поэтому, когда Ломоносов в 1741 году вернулся, Елизавета Петровна приняла решение «русский дух распространять». Тогда было 17 академиков — все иностранцы. Ну, один Адодуров русский, и на 17

академиков приходилось три студента в университете, то есть всего обучалось три человека. Он спросил: «Это как?». А они сказали: «Так у вас порядки такие. Крепостных не пускают, дети богатых — за границей. Кого учить? Каких-то троих разночинцев прислали нам из бедных дворян. Вот мы их и учим». Ломоносов сказал: «Ну как же так? Петр I ставил задачу поднять культуру России, подготовить свои кадры». Вот так было: академики и исследования вели, и сами преподавали, потому что преподавателей не было. И, конечно, Ломоносов вступил в очень сложную борьбу. Приведу только один эпизод. Герхард Миллер — один из первых академиков, немецкий исследователь, историк, 11 лет пробыл в Сибирской экспедиции. Собрал огромные материалы, написал книгу «История Сибирского царства». Выступил на президиуме академии наук. Ломоносов с ним вступил в дискуссию. Огня подлил Иван Данилович Шумахер — заведующий канцелярией. И спор так разошелся, что полного ординарного академика Миллера низвели опять до адъюнкта. Такого больше не было в истории, чтобы из полных академиков обратно в начинающие.

Ломоносов не ладил с Шумахером, хотя, может быть, и беспричинно, надо разбираться во всем этом, рукописи читать. Я разговаривал с директором Библиотеки Российской академии наук В.П.Леоновым, который считает, что Шумахер создал первую академическую библиотеку — это его выдающийся вклад. А Ломоносов везде писал: «И первый мой враг — Шумахер». Потом на латинском языке он пишет, извиняясь перед академией: «...я действительно ненавижу, торжественно беру обратно и хотел бы считать произнесенными те в высшей степени безрассудные ругательства, которыми... поносил господ профессоров в утренние часы 26 апреля месяца прошедшего 1743 года...» На семь месяцев его отстранили от заседаний академии наук. Вот какие были схватки. И я хочу сказать, что Петр I ввел правило, чтобы иностранцы составили Российскую академию наук, а потом 150 лет мы с этим разбирались.

После того как Миллера переместили в адъюнкты, он переехал в Москву — возглавил архив, потом вернулся в Петербург, стал непременным секретарем, через два года его восстановили в полные ординарные академики. Он был на четыре года старше Ломоносова и пережил его на 20 лет. Миллер написал первый труд по истории академии наук, где самым выдающимся ученым Европы того времени назвал Ломоносова. Ученый объективно оценил ученого, хотя, очевидно, помнил и обиду. Все это было, но это подспудное противостояние русских и иностранцев, но почти никогда не вырывалось наружу. Многие иностранцы становились патриотами России, оставались здесь, жили и умирали. Например, в Александро-Невской лавре слева от входа находится могила Эйлера, а под углом с правой стороны — могила Ломоносова. Многие из академиков иностранцев действительно нашли здесь, в России, вторую родину. Но многие были заинтересованы и в том, чтобы не было конкурентов. Поэтому студентов было минимум, преподавание и печатание осуществлялось на иностранном языке. И 150 лет, до 1876 года шла эта борьба — русские–иностранцы, как выбрать. При любом голосовании, если их физически больше, они заваливали любой вопрос, который кто-то хотел решить иначе.

И вот эта борьба отражалась в уставах. В уставе 1836 года и в ранних уставах, также в регламенте 1803 года, было официально написано, что академикам предоставляется право избрания на открывающиеся места академиков и адъюнктов, но при равных достоинствах ученый русский предпочитается иноземцу. Если равные голоса — предпочтение русскому. Конечно, иностранцы чувствовали себя обиженными и в следующий раз уже голосовали своим большинством так, чтобы не было никаких равных голосов. И это, естественно, не способствовало развитию. Посмотрите, какие задачи ставили старший брат Александр I и младший — Николай I. Александр Павлович назначает графа Уварова президентом академии наук, а Николай Павлович назначает его еще и министром просвещения. То есть он

и президент, и министр просвещения, потому что необходимо было найти возможность взаимодействия между вузами и академией. В то время в академии было два заведения — Петербургская академия наук и Российская гуманитарная академия. За один XIX век появилось 10 новых университетов. А там тоже и ученые, и преподаватели. Естественно, они смотрели с некоторой ревностью на привилегии, которыми пользовались академические ученые, у которых было и лучшее финансирование, и лучшая приборная база и т. д.

И поэтому Николай I ставит перед Уваровым задачу: «Привлечь в университеты детей высшего класса, положив конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами». А также: «Уменьшить господство страсти к иноземному образованию». А как? И уж последнее совсем: «Исходить из начала русского в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических». И это в университетах, где преподаватели и студенты постоянно обменивались, ездили в Европу, где витал дух Франции, Германии. Университеты всегда были рассадниками свободолюбия, свободы. И бороться с этим, и особенно царскими указами, конечно, было невозможно, но подворачивались случаи.

В 1841 году созданы словари русского языка — и церковный, и светский. И в это время умирает президент Российской академии Александр Семенович Шишков, который 28 лет стоял во главе гуманитарной академии. После этого Уваров предложил Николаю I разделить Российскую академию на две — Академию русского языка и Академию словесности, подобно тому, как это сделали во Франции. Но император принял другое кардинальное решение - объединить эту Российскую академию и Санкт-Петербургскую академию наук с тем, чтобы в России была одна академия и все ученые работали сообща — 68 человек в Санкт-Петербургской академии наук и 60 академиков в Российской академии. Уваров пишет о том, что из 60 академиков русского языка нет ни одного иностранца, все русские. Если 60

прибавить к 68 и учесть, что за XVIII век было избрано 28 русских академиков, а 84 иностранца, то, естественно, все разбавится в пользу русских. То есть из 68 40 было иностранцев и 28 русских, и еще плюс 60. Уваров предостерегал государя не спешить, он предполагал, что ученые Санкт-Петербургской академии наук — физики, математики, химики — будут недовольны. А в состав Российской академии входили поэты и писатели. Ученый там был один — Александр Христофорович Востоков, действительно выдающийся филолог. А все остальные не были учеными. Пушкин тоже числился в этой академии, но он не дожил до слияния академий, которое произошло в 1841 году.

И царь рекомендовал доверить Санкт-Петербургской академии наук самой выбрать из этих 60 членов Российской академии достойных стать ее членом. Ученые посоветовались и решили следующее: из 60 гуманитариев только 15 стали полными ординарными академиками во главе с Василием Андреевичем Жуковским и Иваном Андреевичем Крыловым, 5 — только членами-корреспондентами во главе с Владимиром Ивановичем Далем, остальные 40 получили звания почетных членов, но не Академии, а Отделения русского языка и словесности, которое стало вторым отделением Санкт-Петербургской академии наук. И гуманитарии с этим согласились. Потому что человек мог быть выдающимся поэтом, но научных трудов-то у него не было. И хочу сказать, что в 1841 году произошел подъем российского самосознания — академия наук из интернациональной наконец-то стала национальной.

Сэр Родерик Импи Мурчисон — выдающийся шотландский геолог, который два года — в 1841 и в 1842-й провел на Урале в Пермском крае и открыл пермский период в истории Земли. В 1843 году Французская академия наук утвердила эту периодизацию, а 5 сентября 1844 году Санкт-Петербургская академия наук избрала его почетным академиком, а 21 сентября, через две недели, — полным ординарным академиком. Таких

примеров больше не было. Он до конца дней своих, еще 20 лет жизни, получал жалованье полного академика Санкт-Петербургской академии наук. Вот такое уважение было ему за то, что он прославил Россию, пермский период. Кстати, изданы мемуары Родерика Импи Мурчисона, которые недавно вышли и на русском языке. Когда мы были в шотландской Royal Society — это королевская академия наук, как и английская, — то видели эти дневники, нам подарили варианты на русском и английском языках. В них он вспоминает о России. Он дважды встречался с Николаем I, десятки раз с Уваровым, ну и, конечно, сотни раз с теми помощниками, рабочими, простыми людьми, которые помогали ему в экспедиции. Он пишет: «... что посреди такого народа исчезает сама мысль о невозможностях и затруднениях. Стояла погода сухая или мокрая, знойная или холодная — никогда не было никакого ропота. Единственным ответом этих замечательных, простых, прекрасных людей всегда было только одно слово — «можно». Вот такой отзыв получил российский народ из уст лорда, академика нескольких академий, в том числе Санкт-Петербургской.

Решилось все к 1867 году. Академик Александр Васильевич Никитенко вспоминает: когда 29 декабря после очередного собрания все академики пошли в ресторан «Донон» и опять завели разговор о русицизме и немчизме, то спор зашел слишком далеко. Обстановку разрядил экспромт поэта Аполлона Николаевича Майкова, который тут же на салфетке написал и зачитал:

Академия кутит
 В буйстве силы не жалеет,
 Это ясно говорит,
 Что она уже русеет.

Это означало, что доминирование русских ученых стало полным. Но тут возникла дискуссия с университетами. В академии было правило: никаких дипломов о высшем или среднем образовании, никаких степеней — ничего этого не надо. На стол только научные труды. Академик Михаил Васильевич Остроградский в 28 лет был избран академиком, представил свой труд — учебник «Математика» на европейский суд, который был признан лучшим учебником в Европе. Академик, а он даже никакого высшего учебного заведения не окончил, никакого факультета. Просто занимался математикой у себя дома, потом пришел в академию наук с каким-нибудь открытием и стал академиком.

Петр I хотел создать единый комплекс — университет, гимназия, академия. Академия должна заниматься наукой, университет и гимназия — просвещением, то есть результаты академии применять на практике. А тут убрали и университет, и гимназию.

Еще были дискуссии, почему в академии наук мало женщин. Николай Иванович Пирогов развил эту дискуссию, говорил, что надо открыть дорогу российским женщинам, потому что их удел — не только домашнее хозяйство. Ученые, педагоги, врачи, деятели культуры — вот удел женщин. И за всю историю академии наук женщин было немного: в XVIII веке Екатерина Романовна Дашкова, которая даже не была почетным членом, стояла во главе Российской академии 10 лет; Софья Васильевна Ковалевская — член-корреспондент Шведской академии наук; и, как я уже говорил, Прасковья Сергеевна Уварова, сноха Сергея Семеновича Уварова, — академик по истории и археологии. За XX век уже 40 женщин стали членами академии, сейчас в объединенной с медицинской и сельхозакадемией их около сотни.

Академия наук к 1917 году добилась прекрасных результатов, там работали выдающиеся ученые. Среди них был Алексей Алексеевич Ухтомский, замечательный петербургско-петроградско-ленинградский

физиолог, создатель учения о доминанте. Он умер в блокадном Ленинграде 31 августа 1942 года. Сталин лично трижды отправлял за ним самолет, чтобы вывезти в Казань или Уфу. А тот отвечал, что не может бросить ленинградцев в этот период. Он умер в разгар блокады от тяжелейшего тромбоза вен нижних конечностей на фоне голодания. Ухтомский оставил много трудов, подписывая свои работы «Князь Ухтомский». Он действительно происходил из рода Ухтомских, из большого родового гнезда, то есть он был полнокровным князем, получившим три высших образования, был учеником Введенского. И вот, оценивая вторую половину XIX и начало XX века, он писал, что Россия пережила итало-французский ренессанс в области науки.

Академия революцию не признала, многие выступали против власти. Новая власть отнеслась к академии настороженно. Стали высказываться мысли ликвидировать академию наук, и начали создаваться другие организации: СОАН — Социалистическая общественная академия наук; через два года КОАН — Коммунистическая общественная академия наук; а еще через год ВАРНИСО — Всесоюзная ассоциация работников науки по поддержке социалистического общества. Ну, хорошо, а каковы результаты СОАН, КОАН и ВАРНИСО? Только идеологические лозунги. Естественно, никаких исследований не проводилось. И тогда Вернадский создает КЕПС — Комиссию по изучению естественных производительных сил. Академия работает в своем режиме. Причем интересно, что в 1917, 1927, 1929 годах академию пытались реорганизовать. Приходили и говорили:

— Товарищи, вы последний оплот империализма, надо вас ликвидировать или реорганизовать. Не хотите перейти в социалистическую общественную академию?

— А зачем? У вас что, микроскопы там есть, здания, аппаратура хорошая, или что?

— Да нет, у нас ничего нет.

— Ну, тогда о чем мы говорим?

— Надо вам трансформироваться ближе к жизни.

— А какие запросы есть?

— Полезные ископаемые нужны.

— Полезные ископаемые — это туда, к Вернадскому.

Приходят к Вернадскому:

— Есть полезные ископаемые?

— Есть. Вот Кузнецкий бассейн весь разработан. Вот столько-то шахт.

— А марганец где?

— Марганец на Украине.

— А алюминий?

— Алюминий на Урале.

— Да? Что, и калийные соли есть?

— Есть, тоже на Урале в большом количестве. Что надо?

— Да завод построить надо, давайте подключайтесь.

И получилось, что за 10 лет сами отмерли все общественные КОАН, СОАН. Тогда ученые пошли к Ленину в 1922 году и пожаловались, мол, надоедают, в какую-то СОАН, КОАН приглашают. Он вызвал Анатолия Васильевича Луначарского, который возглавлял Наркомат просвещения и науки, и сказал: «Анатолий Васильевич, прошу не озорничать вокруг академии» — и все. И до 1929 года академики жили с новым президентом Александром Петровичем Карпинским, избранным в 1917-м, со старым не переменным ученым секретарем Сергеем Федоровичем Ольденбургом, избранным в 1904 году и ушедшем только в 1929-м. 25 лет — и при царе, и при советской власти — Академия наук существовала, осуществляла научные изыскания и была независимой.

Вопросы и ответы

Е. Г. ХОЛЬНОВА, заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор: — *Уважаемый Валерий Александрович, что, на Ваш взгляд, важнее в науке — собственно научная деятельность, гений ученого или талант менеджера? Вот из Вашего личного жизненного опыта, удавалось ли Вам сочетать и то, и другое?*

— Конечно, в науке самое главное — это ученые. А менеджеры и так далее — это все прикладывается. Когда ученый становится еще и менеджером — это самый выдающийся результат. Вот Королев был и прекрасным ученым, и выдающимся менеджером. Сейчас нам в Академии предложили создать, допустим, четыре вида центров. Надо определиться, к какому центру мы хотим относиться — к федеральному, национальному, региональному или инновационному. А мы в ответ спрашиваем: «Хорошо, это, конечно, важно, а под какую идею?». То есть получается, сначала нас объединяют, а потом говорят, какие важные задачи будут поставлены. Так всегда же все было наоборот.

Наталья Сергеевна Королева в прошлом году выступала на юбилее отца и рассказывала такой случай: в июне 1961 года Хрущеву пришла посылка с книгой, и туда было вложено письмо из Нобелевского комитета, официально подписанное. Там было написано, что у Нобелевского комитета нет никаких сомнений, что приоритет в освоении космоса принадлежит Советскому Союзу, поэтому он просит вписать в анкету фамилии трех человек, которые являются первыми лицами космического проекта Советского Союза, и 10 декабря они получают из рук короля Швеции Нобелевские премии. Только просили, чтобы это было согласовано с Академией наук. Тогда все понимали, что такие работы везде засекречены —

и в Америке, и в Германии, и в Советском Союзе. Но если СССР назовет три фамилии, то они получают премию. А летом 1961 года разразился Карибский кризис, и Хрущев ответил, что передовую технику у нас в Советском Союзе создает весь советский народ, поэтому три фамилии назвать не можем. Сергея Павловича Королева пригласили, рассказали это и спросили: «Вас устраивает такой ответ?» — «Конечно, устраивает». А что он скажет? Но, к чести Нобелевского комитета, хочу сказать: прошло уже более 50 лет — ни одной Нобелевской премии за освоение космоса не дано. Потому что лидеры и приоритеты сейчас всем известны, но их нет в живых. А посмертно Нобелевская премия не присваивается.

Много было выдающихся ученых-менеджеров, и о каждом можно говорить очень много. Например, Игорь Васильевич Курчатов. Когда стали создавать атомный проект, в 1943 году, в разгар войны, Флеров написал Сталину записку, что в западной прессе исчезли работы о ядерной энергии, а это верный признак того, что это принимает оборонное значение, то есть начались военные разработки. Сталин вызвал Флерова, Вернадского и сказал: «Конечно, работы ведутся и в Германии, и в Соединенных Штатах, и мы знаем, кто это делает, потому что их работы исчезли. Нам надо создать лабораторию». Она называлась Лаборатория «Б», или номер 2, находилась в Пыжёвском переулке, в Москве. Возник вопрос, кто возглавит. Иоффе порекомендовал своего ученика Игоря Курчатова, которому было 40 лет, он занимался как раз этими исследованиями с мирных лет, с 1936 года. И Сталин сказал: «Хорошо, раз работает, выделить на выборах 1943 года место академика по физике для Курчатова. Надо, чтобы академик возглавлял лабораторию». Выделили место. Дело дошло до выборов, которые в 1943 году проходили в Казани. А Иоффе вдруг взбрыкнул: «А почему Курчатова сразу в академики? Не в члены-корреспонденты, а сразу в академики как руководителя научного проекта. У нас есть Алиханов, уже член-корреспондент с 1939 года и как раз этим же занимается». Иоффе провел

определенную работу, и 27 октября академики проголосовали почти единогласно за Алиханова на эту вакансию. А Курчатова провалили.

В академии сначала голосует отделение, а через день проходят выборы на общем собрании. Перепуганный Берия пришел к Сталину и сказал, что выделили вакансию под Игоря Васильевича Курчатова, а избрали Абрама Исааковича Алиханова. Сталин спросил: «Кто такой?» — «Член-корреспондент, там работает». — «Ну, заслуженный человек?» — «Да, Иоффе за него выступил». — «Ну и как теперь быть?» Берия предложил: «Завтра у них общее собрание, где должны утвердить решение совета, и если бы была еще одна вакансия... Может быть, мы на общем собрании Курчатова проведем?». Сталин согласился. И они еще одну вакансию выделили. Нет, не одну — две, потому что думали, что найдут еще одного достойного. Но Академия отказалась от второй вакансии, сказала, что второго достойного не будет. И когда обсуждали кандидатуру, все, кто выступил накануне против Курчатова и поддержал Алиханова, — около 20 человек из отделения физики — решили, что Игорь Васильевич Курчатов может быть сразу академиком, потому что своим громадным трудом и талантом давно это подтвердил. И лозунг менеджера и ученого Курчатова был: «Обогнать не догоняя». То есть те же проблемы решать своим путем.

В Германии ученый Вернер фон Браун, полковник СС у Гитлера, возглавлял работу по ракетостроению, его сразу вывезли в Соединенные Штаты Америки, где он построил первые ракеты. Генеральные конструкторы Королев и фон Браун соревновались всю жизнь. Когда у нас к работе подсоединился Королев, они сделали все и быстрее, и изящнее, чем американцы. Причем соревнование было во всем: например, наш Юрий Гагарин полетел в космос 12 апреля 1961 года, весь мир это знает, а первый американский космонавт — 3 мая 1961 года. Ракеты стояли и на мысе Канаверал, и у нас в Казахстане, на Байконуре. И эта победа — во многом заслуга служб, которые занимались дезинформацией. То есть наши были

готовы, проработали и полетели. Американцы же не верили. Сначала наши запускали ракеты с обезьянами — все нормально, потом запускали манекен, который сидел в космолете. Американцы это отслеживали. И не поверили, что СССР первым запустит человека в космос. Это я к чему говорю? Вот что значит приоритет первого человека — хоть в бизнесе, хоть в науке. Первый взлетел, и его помнят, а второй взлетел через три недели — его никто не знает. Это психология человеческая.

Ну, кто у нас менеджер сегодня? Например, в искусстве — Олег Павлович Табаков. Кто менеджером был 20–30 лет назад? Георгий Александрович Товстоногов. Я помню, когда первый раз приехал в Ленинград в 1970 году на факультет повышения квалификации (ФПК), а второй раз — в 1975 году. Я пришел на кафедру педиатрии в Педиатрический институт и сказал: «Я хочу пойти в БДТ посмотреть спектакль “Идиот”, я прочитал рецензию». Мне ответили: «Валерий Александрович, забудьте. В БДТ ленинградцы попасть не могут. А как вы сможете?». Вы понимаете, что такое был БДТ с Товстоноговым в 1970 году? Мы даже не знали, кто туда ходит. БДТ — это какой-то божественный ореол. Мы пошли, нас было на ФПК восемь человек, разобрались. Простояли в очереди три ночи вместе с курсантами, установили дежурство, писали на руках чернилами. На 10 дней продавали по 2 билета на один спектакль, то есть ты берешь 20 билетов. Начали мы с первого и второго ярусов, а к концу курса дальше пятого ряда партера мы уже билеты не покупали. Мы сводили в БДТ всю кафедру, весь ректорат. А они не верили: фантастика, не может быть. Просто в каждой системе надо разобраться. А когда я в 1975 году приехал на четыре месяца, нас поселили в общежитие на Васильевском острове у Тучкова моста, по 10 человек в комнате жили. Думаю, что это вообще за здание со статуями? Потом открыл книгу и узнал, что в 1783 году по личному проекту Екатерины Романовны Дашковой на 1-й линии Васильевского острова, дом 53 поставлено специальное здание для Российской академии наук. Оказалось,

это здание общежития, где мы жили. А сейчас это филфак педагогического университета им. А. И. Герцена. Вот так история перекликается.

Вопросы и ответы

Нина: — *Уважаемый Валерий Александрович, могут ли крупные государственные корпорации купить Российскую академию наук, тем самым подчинив себе фундаментальную науку?*

— Вы понимаете, это как законодательство скажет. Потому что здесь происходит объединение центров, подчинение. Как они купят? Это сейчас государственная собственность, переданная в оперативное управление Академии наук. Но покупать уже и ничего не надо — все есть. 450 институтов переданы в ФАНО (Федеральное агентство научных организаций). От Академии наук сегодня остались Президиум в Москве и три президиума региональных отделений — Сибирского, Дальневосточного и Уральского. А все институты — 40 Уральского, 80 Сибирского, 35 Дальневосточного отделения — переданы в ФАНО. Поэтому если запретить Академию наук, расформировать по вузам и так далее, то все оставшееся никогда и не было в собственности у Академии, только в оперативном управлении. Все здания — государственные, все земли — государственные, все оборудование — государственное, государство же покупает, ставит на учет и все. А Академия держит это в оперативном управлении — ставит эксперименты, проводит клинические, географические, физические исследования и т. д. И все. Поэтому как государство пожелает, так и будет. Оно может сделать все что угодно — это его собственность.

— *Академия теперь как клуб по интересам, получается. (реплика из зала)*

— Не сама Академия, а Президиум Академии. Так пытаются сделать. В Соединенных Штатах академия общественная. Ее члены платят по 100 долларов каждый год — для чего? Чтобы два раза собраться на общее собрание и получить четыре журнала Национальной академии наук Соединенных Штатов Америки. И в эти 100 долларов входит еще четыре чаепития. Все. У них институтов-то нет при Академии.

Илья, III курс, юридический факультет: — *В одном из уставов указано, что целью Академии наук является развитие просвещения. Как Вы думаете, применительно ли это к сегодняшнему дню, в полной ли мере Академия наук занимается развитием просвещения, потому что часто мы воспринимаем ее как некое государство в государстве? В полной ли мере Академия занимается изданием научно-популярной литературы? В общем, какими Вы видите идеальные отношения академиков и общества?*

— Вопрос, конечно, сложный. Безусловно, недостаточно Академия всем этим занимается. Раньше была передача «Очевидное — невероятное», которую больше 30 лет вел Сергей Петрович Капица. Сначала ее показывали в 12 часов дня, и молодые, и совсем юные, и кто хотел, смотрели эту передачу. Очень интересно было. Потом она стала транслироваться в 10 вечера, потом в час ночи и последняя была в 2 часа ночи. Для кого? Эпиграфом этой передачи, если вы помните, были слова Пушкина: «О, сколько нам открытий чудных / Готовят просвещенья дух, / И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг», а последней пятой строчки не было: «И случай, бог изобретатель». Убрали. Какой там бог изобретатель при тогдашней системе взглядов?

Поэтому, как вы понимаете, государство вырабатывает политику. И сейчас в прайм-тайм, в лучший час, по каждому каналу идут сериалы. Я не хочу сказать, что сериалы это плохо. Тоже интересно посмотреть, это такое

легкое «чтиво». Но когда в таких количествах — тогда серьезное уступает, проигрывает. На сегодняшний день на телевидении, кто владеет каналом, тот и проводит свою политику. Что ему интересно, то он и проводит. Но политика должна быть продуманной — это серьезное, важное дело. От сказок и рассказов — до бесед с выдающимися учеными. У нас же много их сейчас. Например, в Санкт-Петербурге есть девушка-психолог 28 лет, которая в Институте биорегуляции и геронтологии РАН защитила докторскую диссертацию. Занимается проблемами долголетия. Кто знает о ее исследованиях? Никто. Поэтому, конечно, не дорабатывают. Раньше в обществе «Знание» сотни и тысячи лекций читали. Это была обязанность профессоров, преподавателей читать там лекции. А сейчас где общество «Знание»? Где лектории? Где лекции высококлассных лекторов?

В. В. ГОРШКОВА, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор: — *Уважаемый Валерий Александрович, на Ваш взгляд, какова сегодня ситуация в стране с отраслевыми и академическими научно-исследовательскими институтами? Сколько их осталось?*

— В 1991 году было 6,5 тыс. отраслевых институтов, сейчас — около 800. Сокращение в 8 раз. И если раньше средний институт насчитывал 500–1000 человек, то сегодня — 50–100. Это отраслевая наука. Академическая, как вы знаете, перешла в ФАНО, и сейчас ей предлагают стать одним из четырех центров. Сейчас идет дискуссия, а что это за центры и для чего их создают? Пока ответа от ФАНО нет, ни от кого нет. Вузовскую науку надо переделывать, развивать. Уже сделали федеральные университеты. Но все упирается в финансирование. С 1931 по 1939 год, перед войной, финансирование науки в сопоставимых ценах увеличилось в 25 раз. И кто выиграл в этой войне интеллектов? Академия наук СССР. А начиная с 2000

года финансируются в основном федеральные и исследовательские университеты, а на Академию наук выделяется минимум. То есть с 2008 года четкая тенденция, как в Соединенных Штатах, где государственные академии превращают в общественные. Но там при каждом университете работает национальная лаборатория. Те же самые академические, в которых сотни людей занимаются монопроблемами. Они говорят, что у нас закрытая система, а у них из студентов сразу выбираются лучшие кадры. Они не понимают, что у нас при каждом вузе есть соответствующие кураторы из Академии.

Допустим, МИФИ — Московский инженерно-физический институт, это ядерный университет. Со всеми курчатовцами он работает очень тесно. Политика государства такова, что, по объективным цифрам, состояние науки очень тяжелое. Например, УПИ — Уральский политехнический институт, сейчас федеральный университет им. Б. Н. Ельцина. В 1991 году при УПИ числились 3,3 тыс. научных сотрудников, работали разные лаборатории — по договорам с предприятиями, например Сибмаш, и самостоятельные, часть отраслевых лабораторий, филиалы и т. д. Сегодня количество студентов увеличилось, а число научных сотрудников в Уральском федеральном университете сократилось до трехсот человек. Кто будет науку делать? Что мы сейчас видим в федеральных университетах? Все заставлено оборудованием. Чтобы научиться работать на электронном микроскопе, надо на год в Германию ехать, на год — в Японию. После этого специалисты возвращаются, настраивают аппаратуру. Через полгода второй цикл, и после этого ты уже получаешь сертификат и можешь работать на этой аппаратуре. Полтора года уходит на то, чтобы научиться работать. Сегодня микроскоп электронный — объектива и окуляра нет, только компьютер и программы. Задается программа сделать срез определенной толщины, и микроскоп все делает сам. Вот что такое сегодняшняя наука.

А сейчас университеты обращаются к Академии: а не дадите ли аспирантов и сотрудников? А мы говорим: а зачем, мы и так в тесном сотрудничестве всегда работали? Давайте примем закон, объединяющий Академию с университетами. То есть никаких аренд, никакой платы. А взаимно: надо для университета — едет сотрудник Академии осваивать, надо для Академии — едет университетский аспирант. Вот какие законы нужны, а не то, что сейчас принимается. Скоро вообще скажут, для чего нам общественная академия и клубы по интересам? Во всем мире они ничего не получают, работают бесплатно. Давайте и у нас это примем. Вся система ломается.

Хочется сказать еще об одном выдающемся ученом — Николае Ивановиче Пирогове, который проводил передовые знания. Когда в Италии ранило Гарибальди, борца за свободу, то приехали четыре профессора — немец, швейцарец, француз и англичанин. Пуля сидела в голени, и они решали, как ее убрать. Англичане решили оперировать немедленно, убрать гнойные затеки, достать пулю и поместить в гипс, и через 2–3 месяца он сможет пойти. И об этом объявили в печати. А в это время Пирогов был в Германии с группой молодых русских докторов. Весь мир его знал. Его пригласили, он приехал из Германии, посмотрел и решил не трогать. Пинцетом прощупал пулю и сказал, что пуля сидит в надкостнице, и если оперировать, то будет остеомиелит, через месяц пуля выйдет сама и зарубцуется. И все. И ни один француз, ни один англичанин, ни один немец не сказал, что Пирогов не прав. Они ему поклонились. И через месяц пуля вышла сама, через две недели рана зарубцевалась. А в музее Военно-медицинской академии на ул. Академика Лебедева, 6 вы можете прочитать восемь писем Гарибальди, где он называл Пирогова своим другом, которому он обязан своей жизнью. И когда студенты провожали Пирогова, то он подарил им фотографию Киевского университета и написал на обороте: «Люблю и уважаю молодость, потому что помню свою».

Спасибо за внимание. Всего доброго!